

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44  
Э14

Harriet Evans  
THE BUTTERFLY SUMMER

Copyright © 2016 by Harriet Evans  
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK  
and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Татьяны Косоруковой*

Художественное оформление *Андрея Саукова*

**Эванс, Хэрриет.**

Э14    Лето бабочек / Хэрриет Эванс ; [перевод с английского Т. Косоруковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-04-105639-1

Давно забытый король даровал своей возлюбленной огромный замок, Кипсейк, и уехал, чтобы никогда не вернуться. Несмотря на чудесных бабочек, обитающих в саду, Кипсейк стал ее проклятием. Ведь королева умирала от тоски и одиночества внутри огромного каменного монстра. Она замуровала себя в старой часовне, не сумев вынести разлуки с любимым.

Такую сказку Нина Парр читала в детстве. Из-за бабочек погиб ее собственный отец, знаменитый энтомолог. Она никогда не видела его до того, как он воскрес, оказавшись на пороге ее дома. До того, как оказалось, что старая сказка вовсе не выдумка.

«Лето бабочек» — история рода, история женщин, переживших войну и насилие, женщин, которым пришлось бороться за свою любовь. И каждой из них предстоит вернуться в замок, скрытый от посторонних глаз, затерявшийся в лесах старого графства. Они вернуться, чтобы узнать всю правду о себе. И тогда начнется главное лето в их жизни — лето бабочек.

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-105639-1

© Косорукова Т., перевод на русский язык, 2020  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Не следует думать, что каждая вылупившаяся гусеница достигает таким образом совершенства. Начиная от яйца и далее — неустанные и бдительные враги всегда жаждут ее смерти.

*Х. Алtringэм, Знания о бабочках*

Мэри Поппинс молча переводила взгляд с него на Джейн. Потом фыркнула. «Я останусь, пока ветер не переменится», — коротко сказала она, задула свечу и легла в постель.

*П. Л. Трэверс, Мэри Поппинс*



Нина Парр сама себя заточила, Шарлотта Мерзавка,  
Дочь короля,  
Нина Вторая, мать Руперта Вандала, Нина Живописец,  
Мать скандала.  
То была Сумасшедшая Нина, потом Фредерик-Викарий,  
Потом одинокая Анна,  
Потом Александра-Мухоловка,  
Потом Шарлотта Печальная, а потом иду я,  
Маленькая старая Тедди, последняя девочка в роду.  
Все они бабочки, и осталась только я.  
Все они бабочки, и осталась только я.



# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

## ГЛАВА 1

ЛОНДОН, 2011

**К**ниги, которые я люблю, обычно начинаются с рассказа о семье, с которой вам предстоит познакомиться. «Сестры Фоссил жили на Кромвел-роуд». «Начнем с того, что они совсем не были беспризорниками». Они были друг у друга — вот что автор хочет вам сказать.

Мне нравятся истории о семье. Они для меня вроде сказок: я не знала своего отца, а моя мама... Ну, совсем не как те мамы в книжках. Те, кто на самом деле за мной присматривал, кто занимался всеми этими скучными вещами, которым надо обучить ребенка (как чистить зубы, как переходить дорогу, как не путать обувь), — это Малк, мой отчим, и миссис Полл, пожилая леди с верхнего этажа, — как я была насчет них неправа. Ах, я была неправа насчет всего! И вся эта путаница до сих пор не разрешилась.

Тем летом произошло кое-что. То лето всё изменило. Год от года, месяц от месяца те события дают о себе знать. Как говорил Макс в «Там, где живут чудовища»: мы ведь не можем убежать от своего детства, правда?

Но если вам хочется какой-нибудь завязки этой истории, я думаю, эта история началась в апреле, и началась она с сущего пустяка: с застежки на новых ботинках.

Малк, мой отчим, говорит, что совпадений не бывает, что ничего не происходит без причины. Он говорит,

я все равно бы ее встретила, ведь я почти всегда ходила на обед в библиотеку. Но я все-таки думаю, что в тот день случилось что-то еще. Случилась какая-то магия, которая работает всякий раз, когда тебе это надо. Она незаметно подкрадывается, прячась в длинных темных коридорах, на высоких башенках, по пыльным углам.

Почему я точно помню эту дату? Дело в том, что 15 апреля был ужасный день, я отметила два года работы в «Горингс» и два года после развода. Странно, когда тебе двадцать пять и ты уже можешь говорить «мой развод». (Ох. Это надо бы записать мелом на доске достижений, как однажды с восхищением сказал мой коллега, как будто я развелась, чтобы потом всем рассказывать, как это ужасно — выйти замуж так рано.)

15 апреля 2011 года был один из тех весенних дней, когда, несмотря на то что нарциссы уже всюю расцвели то тут, то там, все же еще была зима, так как было ужасно холодно. Моя ежедневная обеденная прогулка из офиса по Хановер-стрит в Лондонскую библиотеку заняла одиннадцать минут — достаточно долго, чтобы понять, удобная моя новая обувь или нет. Я купила их за день до этого, тоже в обед, чтобы поднять себе настроение. Я надела их в час дня, в знак протеста этой самой дате. «Эй, смотрите, на мне новые ботинки! Кто теперь посмеет сказать, что моя жизнь полный отстой?»

И да, меньше чем через минуту после того, как я вышла из «Горингс» и направилась к Пиккадилли, я осознала, что у моих ботинок сзади была молния, которая проходила как раз от основания каблука до икры, и она так натирала, как будто много крошечных зубов вцепились в самую нежную кожу над пяточной костью. Когда я добралась до библиотеки, мои носки насквозь пропитались

кровью. Наверное, эту застежку придумали, вдохновившись мифом об ахиллесовой пяте. Лондонская библиотека точно не то место, где в вестибюле отдирают от ног окровавленные носки, так что я поспешила наверх, спрятавшись там, чтобы в относительном одиночестве оценить масштабы трагедии.

На темных металлических полках больше миллиона книг, которые возвышаются стопками высотой в четыре этажа. И все это — в скромном углу у Сент-Джеймс. Библиотека пахнет, как я люблю: заплесневелой пылью, старой кожей и лаком. Я прихожу сюда, чтобы побыть одной, подальше от дребезжащих телефонов, звука клавиш и людей, просящих кофе, подальше от болтовни о мужьях и об относительных преимуществах кухонной мебели из «ИКЕА». Я прячусь среди книг, ожидающих, что кто-то придет их забрать, некоторые не открывали по сорок, по пятьдесят лет. На полках висят карточки:

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ

НУБИЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ПАПЬЕ-МАШЕ

ТАБАКЕРКИ

Мой отец купил мне пожизненный билет в Лондонскую библиотеку перед тем, как погиб. Маме не нравится, что я хожу сюда каждый день; я думаю, она боится, что здесь я вспоминаю о нем.

Когда я была маленькая, миссис Полл и я играли в одну игру, где мы должны были притворяться, что мой отец вернулся домой. Она придвигала свой кухонный стол к стене, ставила на него вверх ногами два стула, покрытых оранжевой тканью, и набрасывала сверху ска-

терть, под которой я ползала, нащупывая путь сквозь влажные, спутанные, цепкие заросли Амазонки, где его видели в последний раз, я представляла, как спасаюсь от тигра, который собирается меня съесть, и кричала: «Нет! Я буду десять лет твоим рабом, только не ешь меня, ведь я должен вернуться к жене и своей малышке в Лондон, в великий город посреди моря!»

Я стряхивала листву и другие штуки из джунглей с плеч, пятясь назад, а в это время миссис Полл очень убедительно рычала, выпучив глаза, с ужасным кривым оскалом, но потом она унималась и протягивала мне лапу.

Затем мы представляли, как он вернулся домой.

«Дилайла, дорогая, — говорила я быстро, потому что миссис Полл всегда бежала галопом по этой части игры, — я вернулся. Где же моя малышка Нина? Вот изумруды, которые так подходят к твоим прекрасным глазам, а теперь принеси мне сэндвич с ветчиной и яйцом, ведь я не ел ничего, кроме листьев и мармелада все эти десять лет».

«Ну все, хватит, Нина, — нежно говорила миссис Полл, и мир в моей голове исчезал, как картонные фигурки на игрушечной сцене, скользящей за кулисы, и снова мы были с ней вдвоем, в маленькой теплой кухоньке. — Время идти вниз. Мама ждет тебя. И вы вместе будете ждать папу».

Это было даже большей ложью, чем сама игра: мама давно перестала его ждать, и мы обе это знали. Мама почти всегда едва присутствовала в реальном мире, она или просто лежала под одеялом и рыдала, или кричала на кого-то по телефону — обычно на кого-то из Совета. Но я не могла все время быть с миссис Полл, как бы мне ни хотелось, и поэтому я нехотя спускалась по лестнице, цепляя ногами за щепки, торчащие из дырявого ковра, обратно в нашу квартиру.

Позже я поняла, что миссис Полл пыталась дать мне понять, что нельзя постоянно повторять одну и ту же поверь-игру и что нужно быть готовой, что однажды все изменится. Когда мне было примерно двенадцать и я все уже знала, мне стала стыдно, что мы с ней играли в ту игру, в основном потому, что в тропических лесах не водятся тигры. Но в глубине души я все еще думала об отце.

Сейчас мне двадцать пять. Не бойтесь, я не дура, — я знаю, что он не вернется.

После того, как я напихала в ботинки побольше туалетной бумаги, я забрала книгу, которую отложила на специальную полку, и захромала к столу. Я начала читать, но слова не выражали ничего, и я уставилась в окно, стараясь хоть немного успокоиться и утихомирить нарастающую волну мыслей, которые, казалось, готовы обрушиться на меня из ниоткуда, оставив меня разбитой, ошарашенной, пытающейся хоть что-то разглядеть.

В тот самый момент кто-то похлопал меня по плечу. Я вскрикнула, резко отпрянув назад на стуле.

— Обеденный перерыв заканчивается. Пора обратно на работу, — прошептал голос позади меня.

Я медленно повернулась.

— Себастьян? О боже. Ты меня напугал.

Себастьян наклонился из-за моей спины и поцеловал меня в щеку.

— Прости. В Британской библиотеке не нашлось того, что мне нужно. Надо было написать тебе, что я приду. Можно было бы съесть по сэндвичу.

Себастьян преподает английскую литературу в Университетском колледже Лондона — там мы и познакомились семь лет назад. Он посмотрел на книгу, которую я читала.

— «Детская литература и британский характер» — вау, Нинс, неужели тебе не хочется иногда просто съесть сэндвич и полистать ленту в телефоне? Ну, как нормальные люди?

— Я не как нормальные люди. Ты же знаешь. — Наступила короткая, напряженная пауза. И я сказала, будто в шутку: — В любом случае, мой телефон...

Он грустно посмотрел вниз на мой треснувший, древний, еле-еле живой смартфон.

— Перед вами музейный экспонат, дамы и господа...

Он повысил голос, и пожилая дама за соседним столом, в нескольких метрах, свирепо посмотрела на нас и уставилась, раскрыв рот, как будто увидела что-то ужасное.

— ...да, Нина Парр. Подходим, подходим. Только после нашей свадьбы я обнаружил, что у нее в детской двенадцать экземпляров «Тайного сада». Да, двенадцать, господо.

Себастьян не унимался, и я покраснела.

— Шшшш, — сказала я. — Не смейся над этим. Особенно не сегодня.

— Сегодня?

— Наш развод.

— А что с ним?

Я посмотрела на его улыбающееся лицо. Он не помнит. Я подумала про себя, а почему я помню, почему я просто не позволила себе забыть все это.

— Сегодня два года. Я имею в виду, официально.

— Ох. — Он посмотрел на меня, понурясь, пока я ерзала на стуле, и обстановка все более накалялась. — Я не вспомнил. Прости.

Проблема в том, чтобы быть другом своего бывшего мужа — за которого ты вышла замуж, к ужасу обеих ваших благочестивых семей, в возрасте девятнадцати лет и «от балды», как говорится в романах Джорджетт Хейер, —

это то, что ты часто даже забываешь, что вы были жена-ты, и это большая ошибка. Вы даже можете быть хорошими приятелями, как мы: в конце концов, мы достаточно друг другу нравились, чтобы пожениться. И все это здорово до тех пор, пока один из вас не поймет, как ужасно все стало. Ссоры, разбитое сердце, финальный раскол, раздел шмоток...

Начнем с того, что нам вообще не следовало жениться, вот в чем проблема. У нас был год отношений в университете, первая любовь, и в конце мы должны были перегореть, вместо того, чтобы устраивать всю эту драму. Думаю, что другие люди нервничали из-за этого больше, чем мы, — особенно его родители. Это было неприятно, и возможно, это была ужасная ошибка, но странно, что мы оба справились. Мы друзья, близкие друзья. Хотя его родителям это не по душе.

Стараясь говорить более-менее дружелюбно, я сказала:

— Прощаю. И послушай: насчет «Тайного сада», сколько раз тебе еще говорить, что это моя любимая книга? И ничего нет странного в том, чтобы иметь несколько экземпляров любимой книги.

— Нет ничего странного! — Он весело засмеялся и прошелся рукой по взъерошенным волосам. — Ни в чем, что ты делаешь, нет ничего странного, Нина. То, что для одного психическое расстройство, для другого просто очаровательный стиль.

— Ах ты, высокомерный мерзавец, — сказала я, тихонько пихнув его, но мы улыбались.

— Согласен. Ну, ладно, проехали.

И тогда с соседнего стола раздался грубый шепот:

— Не могли бы вы оба, *пожалуйста*, не шуметь!

Пожилая дама все это время смотрела на нас, и ее огромные глаза потемнели от ярости. Я отпустила руку Себастьяна и, повернувшись к ней, быстро пробормотала: